

«ВСЁ — ВПЕРЕД!...»

К 100-летию со дня
рождения А. Я. БРУШТЕЙН

КОГДА Александре Яковлевне Бруштейн исполнилось семьдесят лет, Борис Чирков, в молодости вместе с Николаем Черкасовым с блеском игравший в одной из первых пьес писательницы, опубликовал статью о ней — «Большая жизнь».

И в самом деле, казалось бы, уже близилось время подводить итоги, с немалым удовлетворением озирать сделанное — десятки пьес и сценариев, и подчас таких, которые, как «Голубое и розовое» и «Продолжение следует», с триумфом прошли чуть не во всех театрах страны.

Однако, как это ни странно звучит по отношению к человеку столь почтенного возраста, у Александры Яковлевны все еще было впереди: два года спустя появилась ее повесть «Дорога уходит в даль...», сразу сделавшая ее популярнейшим «детским» — да только ли детским! — прозаиком, затем остальные части этой автобиографической трилогии — «В рассветный час» и «Весна», а также пре-

восходная книга воспоминаний «Вечерние огни».

И давние слова поэта: «Я видел вечер твой. Он был прекрасен!» — были бы здесь вполне уместны, если бы все, кто близко знал Александру Яковлевну, не понимали, какого бесконечного самоотверженного труда стоило это ей, давно утратившей слух и все больше терявшей зрение.

Слово «прекрасен» в данном случае слишком благозвучно и аморфно. В повести «Дорога уходит в даль...» есть эпизод, где героиня, совсем еще ребенок, нетерпеливо ждет, когда же проснется отец — доктор, сделавший труднейшую операцию:

«Рядом с диваном, на стуле, — панины очки. Поникшие дужки их — как оглобельки саней, из которых выпрыжн конь».

Причудливое обличье, которое приобретают в глазах ребенка самые обыденные вещи, тут незаметно и естественно сопрягается с тем представлением о самоотверженном человеческом труде, ко-

торое Пуговице, как весело зовут девочку дома, конечно, еще чуждо, но прекрасно знакомо самому автору.

«Престарелым грузчиком» звала она свой наиболее надежный глаз, и, боже мой, чего только она на него не изваливала — даже помимо неустанной работы над собственными книгами! Несмотря ни на что, она не переставала быть ни любопытствующим читателем, ни аккуратнейшим корреспондентом, с готовностью отвечавшим — иногда необычайно пространно — на многочисленные адресованные ей письма.

Трагически обделенный судьбой художник, изображенный в повести «Дорога уходит в даль...», говорил: «Идешь — не падай, упал — встань, расшибся — не хнычь. Все — вперед! Все — в даль!...»

«Ох, как пригодились мне в жизни эти слова!» — скупороняет Бруштейн, на миг «выходя из образа» своей молодой героини. И те, кто

знаком с ее биографией, понимают всю цену сказанного.

Жизнь писательницы временами походила уже на житие, но никакой елейности, ни малейшего подчеркивания своих вечных тягот и борения с ними не ощущалось в облике этой «бабушки», как порой она насмешливо себя именовала.

Скорее было в ней что-то от выведенного ею когда-то на сцену Гавроша — от его дерзкой смелости, веселой доброты, от его озорного, хлесткого (до сих пор кое-кто почесывается, вспоминая...) языка.

Перечитывая ее письма: «Я не подавала до сих пор голоса, потому что мне самой неловко: на 80-м году жизни заболеть крупозным воспалением легких, да еще «обладая» совершенно халтурным сердцем, держащимся на чьих-то ненадежных соплях, — ей-богу, это стыдно... Сейчас я еще «полулежу», но уже 2 недели, как работаю, хотя за такую работу надо бить даже больного, — и при этом

так устаю, что за ночь раз 3 вовсе засыпаю...»

В одной из ее пьес военных лет старый профессор говорит: «...Когда я вижу любовь, я снимаю перед ней шляпу. Низко, вот так!»

И вспоминая самого автора этих слов, хочется еще раз поклониться светлой любви ее «детской и великой души» (как писал о Гавроше Пюто) к жизни, к людям, к «доверчивому теплу» вопрошающих детских глаз... «Люблю ощущать под пальцами мягкие, легкие волосы девочек или низко остриженные, плоскошвы на ошупь головы мальчишек», — писала она тогда, когда «престарелый грузчик» совсем выбыл из сил.

Какой прекрасный человек родился сто лет назад!

Как славно, что и ныне, перелистывая страницы ее книг, мы, «дети» ее «возраста: от 10 до 90 лет», как она выразилась однажды, ощущаем доброе, как бы благословляющее прикосновение этих натруженных рук!

А. ТУРКОВ